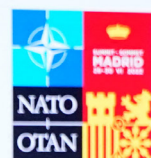

РАБОЧАЯ
ТЕТРАДЬ

№ 69 / 2022

Консолидация Запада и асимметричная биполярность

Российский совет
по международным
делам

Андрей Картунов

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2022

УДК 327-044.964(4+7)

ББК 66.4(4+7)

К69

Российский совет по международным делам

Автор:

канд. ист. наук **А. В. КОРТУНОВ**

Редакторская группа:

Е. О. Карпинская (руководитель редакторской группы), **И. А. Цымбал** (выпускающий редактор)

К69 КОРТУНОВ, А. В.

Консолидация Запада и асимметричная биполярность: рабочая тетрадь № 69 / 2022 / [А. В. КОРТУНОВ; под ред. Е. О. Карпинской, И. А. Цымбал]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2022. — 40 с. — Авт. и ред. указаны на обороте тит. л.

ISBN 978-5-6048393-4-8

В рабочей тетради рассматриваются факторы, предопределившие смену центробежных тенденций в западном мире на центростремительные на рубеже второго и третьего десятилетия XXI в., а также ключевые особенности начавшегося цикла консолидации государств коллективного Запада. Является ли единство Запада ситуативным или стратегическим? Носило ли оно временный или долгосрочный характер? Насколько сильны расхождения в интересах между основными центрами силы коллективного Запада? Какова вероятность его распространения на последующее взаимодействие с Китаем как с основным стратегическим противником? Каковы перспективы подключения к западному консенсусу значительного числа государств глобального Юга? Проведенный автором анализ носит целью наметить контуры возможной междисциплинарной дискуссии, способной дать ответы на эти и другие вопросы.

Высказанное в рабочей тетради мнение отражает исключительно личные взгляды и исследовательскую позицию автора и может не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст рабочей тетради опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке — russiancouncil.ru/paper69

Содержание

Предисловие	4
Предыстория	8
Предпосылки	12
Параметры	16
Последствия	23
Препятствия	31
Послесловие	35
Об авторе	38
О Российском совете по международным делам	39

Предисловие

Поспешные решения Хельсинки и Стокгольма о вступлении в Североатлантический альянс, а также кардинальные сдвиги в подходах Германии к своей военно-политической роли в Европе стали, наверное, самыми яркими иллюстрациями наметившейся тенденции к консолидации значительной группы стран, которые можно условно обозначить как «коллективный Запад». Но и других свидетельств вновь обретенного единства коллективного Запада после 24 февраля 2022 г. было предьявлено уже немало. Например, поразительно быстро согласованные беспрецедентные по размаху санкции в отношении Москвы. Или столь же стремительно одобренные и не имеющие прецедентов программы военной и экономической поддержки Украины. Или скоординированное наступление на Россию в ведущих международных организациях — от Совбеза ООН и «Группы двадцати» до Совета Европы и Арктического совета. Равно как и объединенное давление западных лидеров на пока не вполне четко определившиеся по «украинскому вопросу» страны глобального Юга — от Бразилии до Индии, от Саудовской Аравии до Мексики.

Разумеется, реакция на специальную военную операцию России на территории Украины со стороны Запада одинаково далеко не во всех вопросах. Если Великобритания, ряд стран Балтии и Восточной Европы настойчиво призывают к войне «до победного конца», то в Германии, Франции, Австрии и Италии сильны позиции сторонников дипломатического урегулирования. Соединенные Штаты солидаризируются, скорее, с первой, чем со второй группой, но и в американской позиции есть свои особенности. Не наблюдается полного консенсуса на Западе и в отношении того, как строить взаимодействие с Москвой после завершения острой фазы российско-украинского конфликта. Российские наблюдатели склонны искать особенности и нюансы в позициях отдельных стран, которые могут свидетельствовать о шаткости нынешнего консенсуса. Но в целом надо признать, что Запад проявил весьма примечательное единодушие в коллективной реакции на нынешний конфликт, причем это единодушие в основных параметрах сохраняется уже около полугода.

Возникает закономерный вопрос о том, можно ли считать единство Запада ситуативным, то есть связанным с конкретным беспрецедентным по масштабам и вероятным последствиям военно-политическим кризисом в Европе, или стратегическим, то есть определяющимся фундаментальными интересами западных стран и имеющим все шансы сохраниться и еще более укрепиться за географическими и временными рамками российско-украинского конфликта. Особую важность, на наш взгляд, имеют оценки вероятности распространения достигнутого единства на последующее взаимодействие коллективного Запада с Китаем как со своим основным стратегическим противником. Немаловажен фактор неопределенности — наличие или отсутствие перспектив расширения возникшего единства за пределы

«исторического Запада» как такового, то есть вероятность подключения к западному консенсусу значительного числа государств глобального Юга.

В какой-то степени ответ на вопрос об устойчивости западного единства зависит от того, когда и чем закончится российско-украинский конфликт. Это противостояние часто рассматривается на Западе не как очередной, пусть и очень масштабный региональный кризис, но как экзистенциальный конфликт и, следовательно, как своего рода развилка на пути последующего развития международной системы в целом. Если его завершение произойдет под диктовку коллективного Запада, а Россия будет вынуждена рано или поздно отступить, не добившись заявленных Кремлем целей, то такой исход, без сомнения, станет основной для сохранения западного единства на длительный срок. «Победа Запада», что бы конкретно ни вкладывалось в это понятие, станет существенным фактором легитимизации американского лидерства и вдохнет новую жизнь в многосторонние институты, обеспечивающие координацию внешней и военной политики западных стран.

Если, напротив, Москва одержит убедительную победу и продиктует Киеву условия мирного соглашения, то нетрудно предвидеть острые дебаты на Западе относительно того, «кто потерял Украину», а также сопутствующие дебатам политические расколы и конфликты как внутри отдельных стран, так и между ними. Существующие сегодня на Западе явно завышенные общественные ожидания относительно «наказания Путина», несомненно, порождают вероятность последующих фрустраций и недовольства. Победа Москвы, в какой бы форме она ни была зафиксирована, или даже восприятие американским и европейским обществами итогов конфликтов как «отступления Запада» так или иначе будет означать крупное внешнеполитическое поражение США и создаст серьезные проблемы для администрации Джо Байдена и для ее возможных преемников после 2024 г.

Тем не менее, на наш взгляд, российскую спецоперацию, ставшую мощным катализатором центростремительных процессов на Западе, все же нельзя считать основным, а уж тем более — единственным источником движения западного мира в сторону новой консолидации. Уже по той причине, что это движение обозначилось задолго до начала спецоперации. Вспомним хотя бы такие знаковые события 2021 г. как создание нового военно-политического союза *AUKUS* с участием США, Великобритании и Австралии, вывод на более высокий институциональный уровень четырехстороннего австралийско-индийско-американско-японского диалога по безопасности *QUAD*, проведение Вашингтоном грандиозного «саммита за демократию», не говоря уже об активизации объединительных усилий в традиционных форматах взаимодействия ведущих западных держав — таких как саммиты НАТО и встречи лидеров «Группы семи».

Большинство этих событий если и были связаны с противодействием Москве, то не сводились к единственной задаче сдерживания внешнеполитических и военно-стратегических устремлений Кремля. Вероятно, были и другие, не менее важные факторы, предопределившие смену центробежных

тенденций в западном мире на центростремительные на рубеже второго и третьего десятилетий XXI в. Эти факторы имели не только политические или военные, но также социальные, экономические, идеологические и иные измерения, они вызревали в течение длительного времени и, по всей видимости, не утратят значения в случае разрешения кризиса вокруг Украины.

Среди этих факторов, пожалуй, наиболее значимым выглядит продолжающийся процесс экономического, политического и военно-стратегического усиления Китая, который происходит при сохранении в КНР собственной модели социально-экономического и политического развития, принципиально отличающейся от западной. Если еще десять – пятнадцать лет назад на Западе могли сохраняться надежды на то, что китайская экономическая модернизация с неотвратимостью приведет к политической либерализации и к принятию Пекином западных стандартов во внешней политике и во внешнеэкономической деятельности, то сегодня оснований для таких надежд не осталось.

На Западе не могут не вызывать тревоги многие тенденции политического развития Индии, Турции и некоторых других стран, считающихся ключевыми партнерами западного мира. Постепенный спад «третьей волны» демократизации ведет к тому, что вместо «зрелых демократий» в мире растет число гибридных режимов, часто критически или даже враждебно настроенных в отношении Запада. Осознание новых вызовов, безусловно, подталкивает коллективный Запад к сплочению в целях защиты общих интересов. В этом же направлении действует и растущее давление общих проблем — от изменений климата до угрозы неконтролируемых миграционных потоков, от международного терроризма до кибербезопасности.

Как представляется, есть достаточные основания предположить, что коллективный Запад вступил в период очередной консолидации, который может продлиться, как минимум, несколько ближайших лет, а при определенных условиях растянется и на более длительный срок. Происходящая консолидация затрагивает самые разные сферы взаимодействия стран Запада и их отношений с «не-Западом»: внешнеполитическую, военно-стратегическую, военно-техническую, торгово-экономическую, финансовую, технологическую, идеологическую и гуманитарную. Она уже начинает оказывать ощутимое воздействие на современный мировой порядок, в чем-то меняя сложившиеся на протяжении последних десятилетий представления о том, в каком направлении развивается современный мир.

Вполне вероятно, что на протяжении ближайших нескольких лет мы станем свидетелями последней исторической попытки Запада переломить ход истории в свою пользу, восстановить свою глобальную гегемонию и зафиксировать свои правила игры в качестве универсальных норм международных отношений — как минимум, на период до середины текущего столетия, а если получится, то и на более отдаленную перспективу. Таким образом, Запад возвращается к той задаче, которую он безуспешно пытался решить на рубеже XX и XXI вв.

Однако решение этой задачи в новых исторических условиях, которые существенно отличаются от ситуации в мире четверть столетия назад, сопряжено с многочисленными препятствиями и сложностями объективного и субъективного характера. Помимо всего прочего, устойчивость западного единства отнюдь не гарантирована даже в среднесрочной перспективе. Насколько можно судить, происходящая консолидация все же носит временный характер, она лишь подавляет, но не отменяет существующих расхождений в интересах между основными центрами силы коллективного Запада. Существуют сомнения относительно готовности Соединенных Штатов бесконечно долго сохранять нынешней объем своих международных обязательств, равно как и готовности американских союзников и партнеров заменить собой США в ключевых для коллективного Запада регионах мира. А если это так, то рано или поздно за консолидацией неизбежно последует очередное усиление внутриамериканских противоречий и снижение уровня единства западного мира. Вопрос о том, когда именно можно ожидать смены нынешних тенденций на противоположные, пока остается открытым — это может произойти уже через два-три года, но может проявиться только в следующем десятилетии.

Предстоящая смена тенденций может оказаться плавной и относительно безболезненной, но также может реализоваться в форме острого кризиса и привести к резкой дестабилизации международной системы. От того, когда и в какой форме нынешние центростремительные процессы на Западе вновь уступят место центробежным, в значительной степени зависят ближайшие, а также и среднесрочные перспективы мировой политики и глобальной экономики.

Предлагаемые читателю краткие и заведомо схематичные тезисы не содержат исчерпывающих ответов на многочисленные вопросы, касающиеся особенностей начавшегося цикла консолидации стран коллективного Запада. Автор ставил перед собой более скромную цель — наметить контуры возможной междисциплинарной дискуссии, способной дать ответы на эти вопросы. Естественно, что такой анализ должен иметь одним из своих практических результатов и набор рекомендаций для российской внешней политики, внешнеэкономической стратегии Российской Федерации и помочь определить место нашей страны в системе мировой политики после завершения острой фазы российско-украинского конфликта.

Предыстория

По всей видимости, послевоенная история дает основания говорить об определенной цикличности взаимодействия стран коллективного Запада друг с другом, когда центростремительные и центробежные тенденции в таком взаимодействии периодически сменяют друг друга. Первый послевоенный дезинтеграционный цикл можно отнести к началу 70-х гг. прошлого века, когда Соединенные Штаты потерпели поражение во Вьетнаме, отказались от золотого стандарта, провозгласили курс на ограничение американских обязательств за рубежом («Доктрина Никсона»), а затем оказались в глубоком внутривнутриполитическом кризисе («Уотергейт»). Одновременно наблюдались стремительный экономический подъем Японии и расширение ЕЭС. В начале 1970-х гг. к сообществу присоединились Великобритания, Дания и Ирландия, а затем начались переговоры о вступлении в ЕЭС Греции, Португалии и Испании на фоне внутривнутриполитических изменений в этих странах. Интересы трех основных центров западного капитализма стали все более явно расходиться по многим важным вопросам, порождая сомнения в устойчивости как американского лидерства, так и западного единства в целом. На это же время пришелся пик международного могущества Советского Союза, который резко расширил сферу своего влияния во многих регионах глобального Юга, потеснив в этих регионах и западноевропейские державы, и Соединенные Штаты.

Ответом на центробежные процессы в западном мире стали настойчивые попытки внедрить дополнительные элементы многосторонности во взаимодействие западных государств и найти новые механизмы сопряжения интересов США и их союзников. Была создана Трехсторонняя комиссия, а затем и «Группа шести», быстро превратившаяся в «Группу семи». Приход к власти в США администрации Рональда Рейгана позволил Америке выйти из хронического политического и социально-экономического кризиса 70-х гг., объединить большую часть американского общества вокруг нелиберальных ценностей и укрепить позиции США в западном мире. Примерно те же процессы начались в Великобритании несколькими годами ранее, после прихода к власти кабинета Маргарет Тэтчер. На это же был направлен и прогрессирующий тогда упадок Советского Союза, завершившийся распадом мировой социалистической системы в 1989 г. и дезинтеграцией СССР в 1991 г. В итоге 90-е гг. прошлого века стали временем расцвета идеологических конструкций «однополюсного мира» и историческим пиком американского влияния в мире.

Следующий «дезинтеграционный» цикл впервые намечился, по всей видимости, около двух десятилетий назад (март 2003 г.), когда военная интервенция США и части их союзников в Ираке расколола западный мир, противопоставив англо-саксонскую коалицию значительной части Европы, включая Францию и Германию. Хотя этот раскол не привел к долговременному противостоянию США и континентальной Европы, он наглядно обозначил

пределы «однополярного мира». Внешняя политика Дж. Буша – младшего вызывала острые разногласия между Вашингтоном и его стратегическими союзниками по целому ряду принципиальных вопросов, начиная от выхода США из советско-американского Договора по ПРО и кончая перспективой принятия в члены НАТО Украины и Грузии. Инерция более раннего «объединительного» импульса при Дж. Буше – младшем была еще слишком сильна, а потому многие наметившиеся расхождения внутри коллективного Запада удавалось сдерживать, «заметая мусор под ковер», но эти расхождения продолжали накапливаться, грозя новыми сложностями и проблемами как Вашингтону, так и его союзникам.

Центробежные тенденции в западном мире усилились во время правления администрации Барака Обамы, которая впервые публично заявила о переносе главных внешнеполитических приоритетов США из атлантического в азиатско-тихоокеанский регион, предоставляя своим европейским партнерам возможность играть более активную роль как на «восточном фланге» коллективного Запада (бывшие советские республики), так и в зоне «южного соседства» (Ближний Восток и Северная Африка). Несмотря на то, что в большинстве европейских и азиатских стран — союзников США к Б. Обаме относились с симпатией, его администрацию часто обвиняли в нерешительности и непоследовательности (особенно в таких острых кризисных ситуациях как Ливия и Сирия). Характерно, что два крупнейших интеграционных проекта администрации Обамы, охватывающих тихоокеанский и атлантический регионы (соответственно, Транс-тихоокеанское партнерство — ТТП и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство — ТТИП), так и остались незавершенными проектами, не доведенными до полной реализации. Многие эксперты полагают, что США неизбежно отказались бы от наследия Б. Обамы в виде ТПП и ТТИП даже и в том случае, если бы на президентских выборах в 2016 г. победила Хиллари Клинтон.

Эффективность и даже практическая реализуемость географического распределения сил и средств коллективного Запада, предложенного Барак Обамой своим союзникам и партнерам, до сих пор остается предметом споров историков. Но можно уверенно констатировать, что те трещины в отношениях между США и их союзниками, которые обозначились в период правления двух администраций Барака Обамы (2009–2016 гг.), резко углубились в годы нахождения у власти администрации Дональда Трампа (2017–2020 гг.). На протяжении этих четырех лет в полной мере проявилось расхождение США и их ближайших союзников по таким принципиальным вопросам международной повестки дня как энергетический переход, иранская ядерная программа, израильско-палестинское урегулирование, экономическая помощь странам глобального Юга и многим другим. Обострились и торгово-экономические противоречия, что поставило США и Европейский союз на грань торговой войны (Дональд Трамп даже утверждал, что «Евро-союз хуже Китая, только меньше»).

В сфере безопасности администрация Д. Трампа попыталась позиционировать себя в качестве поставщика коммерческих услуг, настаивающего на

безусловной оплате этих услуг со стороны «клиентов». Настойчивые требования Дональда Трампа осуществить перераспределение доли союзников США в совокупных военных расходах Запада, да еще предъявляемые в предельно жесткой и даже в оскорбительной форме, также не могли содействовать укреплению западной солидарности.

Ситуация начала меняться на пороге третьего десятилетия XXI в. Не будет большим преувеличением утверждать, что «объединительные» тенденции в западном мире наблюдаются на протяжении уже, как минимум, двух последних лет. Если взять за точку отсчета первые месяцы 2020 г., когда обрушившаяся на мир пандемия коронавируса неожиданно пробудила на Западе самые архаичные рефлексии национального эгоизма и в какой-то момент даже поставила под вопрос существование общих западных ценностей как таковых, то следует признать, что за два с половиной года в западном мире изменилось очень многое. Складывается впечатление, что коллективный Запад смог извлечь надлежащие уроки из своих недавних трудностей, оперативно и в целом пока успешно отмобилизоваться, предотвратить новое наступление правых (а в некоторых странах — и левых) популистов, оставить в стороне многие дрязги и склоки последних десятилетий и выступить единым фронтом против своих общих противников и конкурентов. Насколько можно судить, достигнутый уровень западного единства сегодня значительно выше, чем он был даже в годы администрации Б. Клинтона (1993–2000 гг.) и Дж. Буша – младшего (2001–2008 гг.).

Большую роль в происходящей консолидации сыграли администрация Джо Байдена и лично сорок шестой президент Соединенных Штатов, отнюдь не заслуживающий тех уничижительно-пренебрежительных характеристик, которыми его щедро награждают критически настроенные эксперты и журналисты. Еще в ходе избирательной кампании кандидат от Демократической партии много говорил о задаче «воссоединения Запада» как об одном из главных приоритетов своей будущей внешней политики. При этом он неизменно обещал, что новое американское лидерство будет в максимальной степени учитывать позиции, интересы и приоритеты союзников США, и что его администрация будет отдавать предпочтение многосторонним форматам взаимодействия со своими партнерами.

Разумеется, придя к власти, администрация демократов не всегда и не во всем последовательно выполняла это обещание. Многосторонность «по-американски» оставалась весьма специфической и после ухода с политической сцены администрации Дональда Трампа. Например, решение о торпливом выводе американских войск из Афганистана в конце лета 2021 г., насколько можно судить, было принято без каких-либо предварительных консультаций с союзниками и закономерно вызвало недовольство и даже глухой ропот среди последних. Не удалось сходу выстроить европейских союзников против Пекина, о чем свидетельствуют редкие и несколько неопределенные упоминания КНР в итоговом коммюнике брюссельского саммита НАТО (июнь 2021 г.). Негативное впечатление на Францию, да и на остальную часть континентальной Европы произвело решение о создании

американо-британско-австралийского альянса *AUKUS*, повлекшее за собой разрыв очень крупного франко-австралийского оборонного контракта. До февраля 2022 г. сохранялись серьезные расхождения между Вашингтоном и Берлином по вопросам перспектив энергетического сотрудничества с Москвой. До сих пор нет полного единства между США и «европейской тройкой» (Великобритания, Франция, Германия) по всем вопросам восстановления многостороннего ядерного соглашения с Ираном.

Однако эти тактические неудачи не привели к новым глубоким расколам внутри западного мира и не изменили общего вектора движения Запада в сторону большего единства. Новые установки Белого дома совпали с ожиданиями и надеждами политических элит американских союзников в Европе и в Восточной Азии, которые в своем большинстве не одобряли внешнеполитический курс Дональда Трампа, с большой тревогой относились к перспективе его переизбрания на второй срок, еще во время американской избирательной кампании 2020 г. сделали ставку на Джо Байдена и недвусмысленно приветствовали «возрождение американского лидерства» в западном мире. Отдельные традиционные проявления американской нечувствительности к интересам своих союзников или свидетельства сохранения инерции внешнеполитического наследия предыдущей администрации Дональда Трампа не могли остановить общее движение в направлении консолидации западного мира. Джо Байден получил значительный кредит доверия от американских союзников, чему также способствовала победа Демократической партии на выборах в Конгресс в ноябре 2020 г., обещавшая более последовательную и предсказуемую внешнюю политику США.

Можно предположить, что в большинстве стран коллективного Запада ждали именно такого лидера как Джо Байден — с его уникальным опытом внешнеполитической деятельности, с его пониманием специфики многосторонних механизмов и институтов, с его готовностью к достижению компромиссов, с его представлениями об особенностях американского лидерства. Поэтому смена администраций в Белом доме запустила объединительные процессы в западном мире, которые, с большой долей вероятности, переживут первый срок сорок шестого президента США. Джо Байден стал лидером, оказавшимся в нужное время в нужном месте, что и предопределило успех многих его внешнеполитических начинаний.

Стоит добавить, что и в других странах коллективного Запада политические системы в целом устояли в трудных испытаниях второго десятилетия XXI в. — в большинстве этих стран наступление правых популистов было остановлено, проявления крайнего национализма были подавлены, а незыблемость либеральных политических принципов была в очередной раз подтверждена. Отдельные исключения из этого общего правила (Польша, Венгрия) не были столь значимыми, чтобы поставить под вопрос стабильность западного мира в целом. Все это открывало возможность для новой консолидации.

Предпосылки

По всей видимости, движение к новому единству было связано в первую очередь с растущим осознанием правящими элитами западных стран многочисленных рисков, вытекающих из сохраняющейся разобщенности западного мира. Разделенный коллективный Запад на протяжении нескольких предыдущих лет неуклонно терял важные экономические, политические и геостратегические позиции в мире, равно как и возможности определять мировую повестку дня. Более того, с начала столетия Запад все меньше воспринимался в остальном мире как безальтернативный символ «желаемого будущего» и как образец для подражания; западные модели развития все чаще ассоциировались главным образом с нерешенными социальными и экономическими проблемами, а не с былыми достижениями. Ламентации по поводу необратимости «упадка Запада» заполнили страницы газет и академических изданий. Политики и эксперты все чаще говорили о наступлении «пост-западного» мира не как о потенциально возможной перспективе развития мировой политики и экономики, но как об уже сложившейся реальности.

Эта тенденция к «десакрализации» западного мира особенно ярко проявилась во время пандемии коронавируса 2020–2021 гг., но она наметилась намного раньше — когда коллективный Запад обнаружил свою неспособность сколько-нибудь радикально перестроить мировую финансовую систему после глобального кризиса 2008–2009 гг., найти убедительный ответ на вызов «арабской весны» 2011–2012 гг., предотвратить выход Великобритании из Евросоюза (2016 г.), справиться с острыми кризисами в Ливии, Сирии, Йемене, Афганистане и т. п. На фоне триумфаторских настроений конца 1990-х — начала 2000-х гг. эти неудачи воспринимались особенно болезненно, порождая неуверенность в будущем и сомнения в своей исторической правоте. Таким образом, к консолидации западные элиты толкал банальный инстинкт самосохранения, который со временем начал отодвигать на задний план тактические расхождения и текущие разногласия.

Кроме того, два первых десятилетия XXI столетия наглядно продемонстрировали сохраняющуюся неготовность политических элит европейских и азиатских союзников США взять на себя больше ответственности за состояние международной системы и будущий мировой порядок. Заявления о «стратегической автономии» Европейского союза, исходившие от немецкого канцлера Ангелы Меркель и французского президента Эммануэля Макрона на протяжении многих лет, оставались по большей части общими декларациями, особенно в том, что касалось вопросов безопасности. Попытки новой, более самостоятельной роли Японии и Южной Кореи в международной жизни также не привели к каким-то значительным результатам. За первые двадцать лет XXI в. эффективной альтернативы американскому лидерству так и не было найдено ни в Западной Европе, ни в Восточной Азии, несмотря на многочисленные заявления о настоятельной потребности

в ней. Тем более не было попыток заявить о своей политической автономии со стороны государств Центральной Европы и Балтии, где лидерство Вашингтона традиционно воспринималось как не просто желательный, но незаменимый противовес всевластию бюрократии Брюсселя. Поэтому приход к власти в США Джо Байдена был воспринят многими на Западе как возвращение к привычному и естественному положению дел, сложившемуся еще в начальный период холодной войны.

В отличие от периода холодной войны прошлого столетия, главным вызовом для коллективного Запада сегодня выступает Пекин, а не Москва, и именно «китайский вызов» во всех его многочисленных проявлениях лежит в основе движения западных стран в сторону консолидации. Что касается России, то первоначально она воспринималась, скорее, как дополнительный раздражитель, отвлекающий внимание и не позволяющий сконцентрироваться на основном противнике. Не случайно Джо Байден уже в начале 2021 г. предпринял попытку договориться с Москвой, быстро пойдя на оперативное продление американо-российского Договора СНВ-3 без каких-либо дополнительных условий или требований, а затем встретившись с Владимиром Путиным в Женеве в июне 2021 г. — при том, что очная двусторонняя американо-китайская встреча на высшем уровне так и не состоялась ни в 2021 г., ни позже. По всей видимости, в Белом доме планировали добиться определенной стабилизации отношений с Россией, снизить риски и издержки неконтролируемого российско-американского противостояния и сосредоточиться на противостоянии с Китаем как с более опасным стратегическим конкурентом США.

Едва ли в Белом доме могли рассчитывать на решительный отказ Москвы от стратегического партнерства с Пекином или на начало новой «перезагрузки» в американо-российских отношениях. У Вашингтона в 2021 г. просто не было сколько-нибудь привлекательных бонусов, которые можно было бы предложить российскому руководству. Но задача минимизировать издержки, связанные с двусторонними отношениями, безусловно, ставилась. В целом, насколько можно судить, такое выстраивание приоритетов в начале 2021 г. нашло поддержку у большинства американских союзников в Азии и в Европе, за исключением небольшого числа государств Центральной и Восточной Европы, традиционно выдвигавших Москву, а не Пекин на место главной угрозы коллективному Западу. Параллельно с усилиями Вашингтона на протяжении 2021 г. было предпринято несколько попыток со стороны Европейского союза найти новые точки соприкосновения с Россией, в частности, в области «энергетического перехода» и информационно-коммуникационных технологий пятого поколения. В какой-то момент могло показаться, что низшая точка в отношениях между Россией и коллективным Западом уже пройдена, и начинается медленное, но устойчивое восходящее движение.

Однако подход, основанный на принципе «договориться с Москвой, сосредоточиться на Пекине», в итоге оказался не слишком успешным. Во-первых, Москва не проявила готовности договариваться по принципиальным

вопросам на американских условиях, и список российских претензий и требований к Вашингтону и к коллективному Западу в целом во второй половине 2021 г. продолжал расти. В конце года Россия в жесткой форме потребовала радикального пересмотра сложившейся в Европе за последние двадцать лет системы безопасности, основанной на центральной роли США и НАТО. Естественно, что уступки такого масштаба оказались неприемлемыми ни для Вашингтона, ни для его европейских союзников — их имело бы смысл рассматривать только в том случае, если бы коллективный Запад потерпел сокрушительное поражение в прямом военном столкновении с Москвой.

Кроме того, многие обозначившиеся на протяжении 2021 г. тенденции внутривнутриполитического развития России, все дальше уводящие страну от стандартов либерального политического устройства западного образца, также препятствовали даже самому ограниченному российско-западному сближению. Уровень доверия между западными и российскими лидерами оставался крайне низким, а продолжавшаяся «дипломатическая война» все более ограничивала работающие линии коммуникации между Москвой и западными столицами.

Во-вторых, как отмечалось выше, администрации Байдена не удалось сходу настроить своих союзников и партнеров на долгосрочное и всеобъемлющее противостояние с Китаем. Об этом свидетельствовала, в частности, более чем сдержанная реакция большинства стран — членов Евросоюза на развернувшийся летом-осенью 2021 г. дипломатический конфликт между Вильнюсом и Пекином. Хотя на протяжении 2021 г. большинство европейских стран и в первую очередь такие крупные державы как Германия, Франция и Великобритания постепенно ужесточали политику на китайском направлении (индикатором чего стало, в частности, решение заморозить ратификацию подписанного Евросоюзом с Китаем в конце 2020 г. Всеобъемлющего соглашения об инвестициях), Европа в целом продолжала отставать от Соединенных Штатов в готовности решительно противостоять КНР. Это отставание проявилось и на саммите «семерки» в июне 2021 г. в Великобритании, и на последующем саммите «двадцатки» в октябре в Италии.

Таким образом, первоначальные планы в ходе своей реализации столкнулись с серьезными трудностями. Соответственно, требовалась коррекция если не стратегии, то, по крайней мере, тактики начавшейся западной консолидации. Был нужен какой-то сильный шок, который помог бы ускорить объединение коллективного Запада и помочь преодолеть сохраняющиеся разногласия по конкретным вопросам. По целому ряду причин пандемия коронавируса и спровоцированные ею экономические потрясения таким шоком не стали, равно как не стало им и бесславное завершение двадцатилетней операции НАТО на территории Афганистана.

В этом смысле начало спецоперации Москвы 24 февраля 2022 г. стало долгожданным и буквально бесценным подарком для Вашингтона, позволив американским стратегам — пусть на какое-то время — отобрать роль глав-

ного мирового злодея и объединителя Запада у далекого и малопонятного Пекина и передать ее близкой и до боли знакомой по эпохе холодной войны Москве. Спецоперация предоставила шанс зафиксировать не только ближайшие задачи, но и первоочередные форматы нового объединения Запада, а также добиться максимально возможной солидарности со стороны тех членов коллективного Запада в Европе (Италия, Греция) и в Восточной Азии (Южная Корея, Сингапур), которые традиционно предпочитали использовать «мягкие подходы» по отношению к Москве и минимизировать свое участие в коллективных мерах давления на Россию. Нет сомнений в том, что Белый дом постарался в максимальной степени воспользоваться этим подарком судьбы. Надо добавить, что российская спецоперация на территории Украины не стала для США неожиданностью, как это было в случае с Крымом и, частично, с Донбассом в 2014 г. К такому варианту развития событий готовились, и потому реакция Запада оказалась столь оперативной и столь масштабной.

При этом важно отметить, что, несмотря на весь драматизм и многочисленные международные последствия продолжающегося российско-украинского конфликта, именно Китай, а не Россия по-прежнему рассматривается американскими политиками как главный стратегический вызов и угроза национальным интересам США, да и Запада в целом. «Усмирение» Москвы не снимает с повестки дня задачу последующего «укрощения» Пекина, но выступает важным шагом на пути решения этой задачи. Тем более что российская военная спецоперация заставила многие ранее колеблющиеся страны Запада по-новому взглянуть не только на Москву, но и на Пекин в рамках вновь популярной парадигмы «глобального противостояния демократий и автократий». Как можно предположить, настойчивые попытки китайского руководства остаться в стороне от развернувшегося конфликта, подчеркивая принципиальные различия между Украиной и Тайванем, не предотвратят дальнейшего сплочения коллективного Запада в противостоянии Пекину в акваториях Тихого и Индийского океанов.

Естественно, «китайский вызов» коллективному Западу не ограничивается геополитическим или военно-техническим измерениями. Еще более серьезным выглядит вызов китайской модели социально-экономического и политического развития, подрывающий устойчивый западный нарратив о политическом и экономическом либерализме как о символах современности и прогресса. Консолидация Запада, помимо всего прочего, призвана найти новые основания для этого нарратива, убедительно продемонстрировать преимущества либеральных моделей по сравнению с возможными альтернативами, убедить свои общества и общества других стран в ущербности и исторической ограниченности китайского пути развития. Главным полем боя остаются не отдельные регионы мира и не спорные территории, а умы и сердца людей как в самих странах Запада, так и за его пределами.

Параметры

Если оставить за скобками политическую риторику, то наиболее очевидным и наглядным проявлением процесса начавшейся консолидации Запада выглядит укрепление его военно-политического и военно-технического единства. Это движение происходит как в рамках возрожденного и получившего новый импульс для дальнейшего развития Североатлантического альянса, так и в других многосторонних форматах, а также в рамках двусторонних соглашений между США и их основными военно-политическими партнерами. Совокупные военные расходы в бюджетах стран — членов НАТО уже составляют более половины общемировых оборонных расходов, и в ближайшем будущем, насколько можно судить, эта доля будет только расти. Опыт российско-украинского конфликта будет тщательно изучаться, в том числе и с точки зрения оценки эффективности поставляемых Украине западных систем вооружений; на основании изучения этого опыта будут вноситься соответствующие коррективы в ведущиеся программы модернизации вооруженных сил стран Запада.

По всей видимости, ставка будет делаться в первую очередь на сохранение и укрепление военно-технологических преимуществ Запада по отношению к его геополитическим противникам (Москве и Пекину), а также на сохранение и дальнейшее развитие глобальной инфраструктуры многосторонних и двусторонних военно-политических союзов под эгидой США. По всей видимости, ускорится тенденция к «глобализации» НАТО — этот военно-политический блок увеличит присутствие как в арктическом регионе, так и в акваториях Индийского и Тихого океанов. Уже в настоящее время явно проявилась тенденция к повышению уровня координации в действиях американских союзников и партнеров в Европе и в Азии, есть все основания полагать, что США будут активно поощрять такую координацию и в дальнейшем, создавая плотную сеть двусторонних и многосторонних партнерств и альянсов различного типа.

Разумеется, не все европейские члены НАТО готовы в полной мере поддерживать Соединенные Штаты в предстоящем противостоянии с Китаем. Например, Германия, скорее всего, будет стремиться ограничиться лишь символическим военным присутствием в акваториях Тихого и Индийского океанов. Но резкое увеличение военных расходов ФРГ, ориентированных на сдерживание Москвы, а также на предотвращение нестабильности в соседних по отношению к Европе регионах способствуют соответствующему перераспределению ролей и ресурсов в Североатлантическом альянсе, позволив другим странам — в частности, Великобритании и Франции — усилить поддержку США в отделенных от Европы частях мира.

Конкретные механизмы и режимы такого перераспределения ролей внутри коллективного Запада пока остаются неясными; тем не менее есть все основания предполагать, что в ближайшие годы они будут энергично отработаны и совершенствоваться.

Заслуживает внимания инициатива бывшего британского премьер-министра Бориса Джонсона о создании под эгидой Великобритании нового военно-политического и экономического союза с участием Украины, Польши, Эстонии, Латвии и Литвы, а в перспективе — еще и Турции. Хотя, особенно в контексте смены руководства консервативной партии и главы британского правительства, будущее этой инициативы пока не вполне просматривается, сам факт ее выдвижения подтверждает то, что стремление к консолидации Запада не ограничено исключительно руководством США и при определенных условиях может идти и без прямого участия Соединенных Штатов. Примечательна и идея французского президента Эммануэля Макрона о создании «Европейского политического сообщества» с включением в такое сообщество всех стран Западных Балкан, а также Украины и Молдовы, но без включения России и Беларуси. Разрабатываются планы по укреплению Совета Европы и даже ОБСЕ, исходя из возможного превращения этих организаций в инструменты закрепления западного политического и идеологического влияния в Европе.

Тем не менее именно США, а не Европа в любом случае окажутся главным бенефициаром объединительных тенденций. Американский оборонный комплекс может праздновать победу над зарубежными конкурентами; доминирующие позиции США на мировых рынках вооружений в новой складывающейся реальности существенно укрепятся, а идеи «стратегической автономии» Европейского союза от НАТО придется отложить до лучших времен. Информационная война против России, перешедшая в новую фазу после 24 февраля 2022 г., имеет в качестве одной из целей дискредитацию российских вооружений как «устаревших» и «малозффективных», что должно, в свою очередь, привести к переделу мировых рынков вооружений в пользу американских компаний. Решению этой задачи должны содействовать новые санкции в отношении российских корпораций оборонного сектора и в отношении зарубежных партнеров российского ВПК.

Однако дело не сводится к борьбе против российских или китайских производителей вооружений. Происходящая консолидация укрепляет позиции американских оборонных компаний по отношению и к их европейским конкурентам. Теоретически можно было бы предположить, что рост военных расходов европейских стран приведет среди прочего к консолидации крупных европейских производителей вооружений, к повышению конкурентоспособности европейских экспортеров на мировых рынках оружия. Некоторые европейские политики считают, что кризис создает дополнительные возможности для выхода на новый, качественно более высокий уровень интеграции стран — членов ЕС в военно-технической сфере. Но на практике подобная перспектива представляется не слишком вероятной: усиление позиций европейского ВПК на мировых и даже на собственных рынках без достижения Европейским союзом значимой «стратегической автономии» от Соединенных Штатов едва ли возможно. Скорее всего, консолидация Запада в военно-технической сфере будет идти на американских условиях и преимущественно в американских интересах. Вероятно, в сложившихся

условиях из союзников США только у Германии и, возможно, у Израиля есть реальные возможности существенно нарастить экспорт своих вооружений, да и то это не относится к самым современным, самым сложным и самым дорогим системам.

Примечательно, что еще в декабре 2021 г., задолго до начала российской военной спецоперации на территории Украины и до решения Финляндии вступить в НАТО, в Хельсинки приняли стратегическое решение о закупке большой партии американских истребителей *F-35* на сумму в 10 млрд евро, хотя за этот контракт настойчиво боролись производители из Великобритании, Франции и Швеции. Политическое поражение энтузиастов «стратегической автономии» ЕС — одновременно и поражение сторонников создания независимого от США европейского военно-промышленного комплекса.

Вероятно, американские позиции будут укрепляться и в том, что касается общей военно-политической стратегии коллективного Запада. Хотя российско-украинский конфликт привел в том числе и к укреплению сплоченности в Европейском союзе, эта новая сплоченность едва ли превратит ЕС в по-настоящему глобального игрока. Напротив, вполне вероятным представляется сценарий долгосрочной фиксации Брюсселя на преимущественно региональной (европейской) повестке без попыток проводить собственную, отличную от американской, стратегию на южноазиатском и восточноазиатском направлениях. Европейский союз может проявить больше активности на «африканском треке», но лишь в силу того обстоятельства, что Африка, по всей видимости, остается на периферии американских интересов. То же самое, судя по всему, относится и к ближневосточному региону — Европейский союз станет проявлять самостоятельность на этом направлении лишь настолько, насколько это будет возможным без нанесения ущерба основам трансатлантической солидарности.

Насколько можно предположить, в самой ближайшей перспективе будут предприниматься энергичные усилия разрешить или хотя бы существенно смягчить существующие торгово-экономические противоречия внутри Запада — прежде всего между США и Евросоюзом, а также между США и их основными торговыми партнерами в Восточной Азии (Японией и Южной Кореей). Администрация Джо Байдена уже продемонстрировала готовность проявить больше гибкости и склонности к компромиссам в этих вопросах, чем команда Дональда Трампа. Например, в октябре прошлого года США сняли часть введенных Дональдом Трампом импортных тарифов на европейскую сталь и алюминий. Можно предполагать, что скоро произойдет давно обещанная синхронизация экспортного контроля в отношении третьих стран, в первую очередь — Китая и России. Наверное, удастся поставить окончательную точку в почти бесконечном конфликте между «Боингом» и «Аэробусом», а также в некоторых других резонансных торговых спорах, подрывающих трансатлантическое единство.

Одновременно стратегические приоритеты в сотрудничестве между странами Запада будут все больше переноситься в область перспективных

НИОКР. Мы увидим формирование масштабных многосторонних консорциумов (возможно, создающихся в виде государственно-частных партнерств) в ключевых областях информационно-коммуникационных технологий, в области искусственного интеллекта, в космических и биотехнологиях, в «новой энергетике» и пр. Большинство этих консорциумов будут так или иначе контролироваться американскими участниками и в той или иной степени курироваться Вашингтоном, хотя нельзя исключать и лидерства на отдельных направлениях корпораций из Европы или Восточной Азии. Одной из важнейших задач сотрудничества в сфере НИОКР станет сохранение лидерства Запада в определении технических стандартов в ключевых сферах развития инновационной экономики. Совместная разработка и внедрение стандартов должны надолго закрепить существующие конкурентные преимущества Запада на основных направлениях становления нового экономического уклада.

В любом случае в выстраивании новых технологических цепочек приоритет будет отдаваться соображениям национальной безопасности и минимизации политических рисков, а уже во вторую очередь — соображениям экономической целесообразности и коммерческой эффективности. Россию ни в одну из этих цепочек, естественно, больше не допустят (ее вхождение в такие цепочки и раньше всегда оставалось под вопросом), а с Китаем по всем этим направлениям будет вестись жесткая и бескомпромиссная борьба. Возможности глубокой интеграции между западными и китайскими высокотехнологическими корпорациями, включая совместные НИОКР на ключевых направлениях научно-технического прогресса, по всей видимости, будут сужаться даже и в том случае, если удастся предотвратить полномасштабную торговую войну между Вашингтоном и Пекином. Западные стратеги будут исходить из того, что Пекину не удастся в одиночку противостоять коллективному Западу и создать полноценную альтернативную экосистему, соответствующую требованиям нового экономического уклада.

В последние годы также наблюдается новый уровень готовности стран Запада более плотно и системно координировать свою активность в ведении информационно-пропагандистской войны как против Москвы, так и против Пекина. Пожалуй, впервые со времени окончания холодной войны эта задача рассматривается как стратегический приоритет и внутренней, и внешней политики. После начала военной спецоперации России на территории Украины коллективный Запад продемонстрировал способность быстро и эффективно мобилизовать общественное мнение своих стран, причем категорическое неприятие действий российского руководства было дополнено беспрецедентным за современную историю подъемом бытовой русофобии и «культуры отмены» по отношению ко всему русскому, включая и те страны, в которых симпатии в отношении России традиционно оставались постоянными независимо от колебаний политической конъюнктуры.

Конечно, устойчивость антироссийских настроений на Западе — особенно в традиционно положительно относившихся к России европейских странах — остается открытым вопросом, но сам факт успешной мобилизации

западных обществ на антироссийской платформе более чем очевиден. Безусловно, этот опыт будет использоваться в планировании и ведении предстоящих информационных войн против Китая. Эти войны будут носить все более «технологичный характер», то есть широко использовать ресурсы *Big Data*, возможности искусственного интеллекта, потенциал пятого, а затем — и шестого поколения информационно-коммуникационных технологий и пр. Инструменты международной и внутренней пропаганды выйдут на новый, качественно более высокий уровень развития, объем выделяемых на информационное противоборство ресурсов будет постоянно расти. Не исключено, что эти тенденции рано или поздно начнут порождать серьезные вызовы демократическим институтам и процедурам внутри западных стран.

Взбодрившийся и поверивший в себя коллективный Запад, несомненно, будет предпринимать энергичные попытки выработать и сохранить единую позицию по основным вопросам глобального развития. Это касается таких важных для всего человечества вопросов как изменение климата, энергетический переход, управление интернетом и глобальные стандарты цифровизации, продовольственная безопасность и предотвращение новых пандемий, трансграничные миграции, гендерные и расовые вопросы, защита прав меньшинств, социальное и экономическое неравенство внутри отдельных стран и между ними. Определение будущей повестки устойчивого развития превращается в один из ключевых параметров восстановления общего морального лидерства Запада в мировой политике и экономике. Не исключено, что по многим вопросам глобального развития лидирующую роль на себя возьмет Европейский союз, а не Соединенные Штаты, однако без прямой или опосредованной американской поддержки продвижение этих вопросов на глобальном уровне будет существенно затруднено.

Западные политики, лидеры общественного мнения, эксперты и аналитики будут с удвоенной настойчивостью навязывать остальному миру свои взгляды и представления во всех этих сферах. Дальнейшее развитие получит концепция мирового порядка, «основанного на правилах», когда группа западных стран разрабатывает набор принципов и норм поведения государств в той или иной сфере, а потом эти нормы и принципы, оставаясь формально добровольными для применения, постепенно распространяются на все более широкий круг субъектов мировой политики и экономики как де-факто обязательные. Страны, не готовые воспринимать установленные Западом «правила поведения», вытесняются на периферию международной системы, превращаясь в изгоев и объекты осуждения и последующего давления со стороны мирового сообщества. При этом на Западе будут исходить из того, что геополитические оппоненты США и их союзников в любом случае окажутся не в состоянии предложить эффективные комплексные альтернативы миропорядку, «основанному на правилах», а потому рано или поздно начнут подстраиваться под стандарты преимущественно западного миропорядка.

Консолидация западного мира едва ли может обойтись без попыток раздвинуть границы этого мира за пределы «исторического Запада». Главным

полем битвы, по всей видимости, останется Восточная и Юго-Восточная Азия, где Соединенные Штаты испытывают наиболее сильное давление со стороны Китая. Но, разумеется, противостояние с Китаем и Россией не будет ограничено какими-то конкретными географическими рамками. В ближайшем будущем мы увидим упорную борьбу за «души» таких стран как Индия, Индонезия, Саудовская Аравия, Нигерия, Южная Африка, Бразилия, Аргентина и Мексика. В той или иной форме продолжатся заигрывание Запада с Турцией, наведение мостов с Венесуэлой, попытки договориться с Ираном и пр. Успех или неудача таких попыток будут зависеть в первую очередь от готовности или неготовности предложить странам глобального Юга привлекательные экономические перспективы, превосходящие то, что им способен предложить Китай. Другим важным фактором, без сомнения, станет способность Запада восстановить привлекательность своих сильно дискредитированных в последнее время моделей социально-экономического развития.

Будут разрабатываться и осуществляться масштабные региональные и даже континентальные проекты, призванные привязать отдельные территории глобального Юга (Ближний Восток, Юго-Восточная Азия, Северная Африка, Карибский бассейн) к коллективному Западу. Возможны попытки подключить новых участников к таким многосторонним структурам как *AUKUS*, «Пять глаз» и *Quad* (в это последнее объединение при некоторых обстоятельствах мог бы войти Тайвань). Интересным экспериментом можно считать попытку администрации Джо Байдена создать «второй *Quad*» в виде четырехстороннего партнерства США, Индии, Израиля и Объединенных Арабских Эмиратов (*I2U2*) для реализации совместных проектов в областях энергетики, водоснабжения, продовольственной безопасности, транспорта, общественного здравоохранения и освоения космического пространства. Нельзя исключать новых попыток реанимировать ВТО как механизм сохранения в западной орбите стран и регионов мира, выпадающих из крупных региональных интеграционных проектов, хотя шансы на успех таких попыток пока остаются неясными.

Ставя перед собой задачу в максимальной степени ослабить Россию и изолировать Китай, Запад неизбежно сталкивается с традиционным для себя противоречием между провозглашаемой идеологической чистотой и соображениями политической целесообразности. Это противоречие проявляется в тех регионах мира, где идеи либеральной демократии западного типа не пользуются популярностью, а отношение местных лидеров к правам человека в западной интерпретации, мягко говоря, неоднозначно. Администрация Джо Байдена с ее акцентом на ценности уже столкнулась с существенными проблемами в отношениях со своими партнерами в таких регионах как Ближний Восток и Северная Африка. Данное противоречие, как это не раз бывало и в прошлом, чаще всего будет разрешаться в пользу политической целесообразности — при том что полного отказа от либеральных ценностей как основы западного единства в ближайшее время не произойдет.

Вполне закономерно, что в интересах расширения состава глобальной коалиции западные политики готовы даже отодвинуть на задний план проблему международного терроризма, связанного с радикальным исламским фундаментализмом. Если двадцать лет назад именно борьба с международным терроризмом была главным обоснованием необходимости объединения международного сообщества под эгидой США, то теперь на место международного терроризма пришло противостояние великих держав. Более того, появляются высказывания о том, что основной угрозой политической стабильности в странах Запада выступает не исламский экстремизм, а правый радикализм. Нельзя исключить попыток использовать политический экстремизм и религиозный фундаментализм в борьбе против России и Китая, подобно тому, как в 80-х гг. прошлого века Соединенные Штаты пытались использовать исламских экстремистов против Советского Союза в Афганистане. Разумеется, такая стратегия неизбежно несет за собой множество рисков и угроз для самого коллективного Запада.

Можно предположить, что из тактических соображений главная разделительная линия в мировой политике все чаще будет проводиться лидерами Запада не между «демократиями» и «автократиями», а между «ответственными» и «безответственными» игроками на мировой арене. В число последних могут произвольно включаться самые разнообразные авторитарные режимы при условии, что они не подрывают международную безопасность и не бросают вызов интересам коллективного Запада. В частности, этот подход, скорее всего, будет использоваться в строительстве отношений коллективного Запада с такими регионами как Ближний Восток или Тропическая Африка, где западные образцы либеральной демократии не стали доминирующими моделями социально-политического развития. Такой подход может использоваться даже в попытках достичь тактических компромиссов с Китаем и противодействовать дальнейшему сближению Москвы и Пекина.

При этом в категорию «безответственных» игроков будут также достаточно произвольно включаться геополитические оппоненты Запада от России и Ирана до Северной Кореи и Никарагуа, причем список будет постоянно модифицироваться в зависимости от конкретной ситуации в мире. По мере достижения тех или иных целей в отдельных регионах мира перечень «безответственных» игроков станут соответствующим образом корректировать. Тактически коллективному Западу выгоднее иметь дело с противниками не одновременно, а последовательно, шаг за шагом расширяя собственное геополитическое пространство и, соответственно, сужая геополитическое пространство оппонентов.

Последствия

Если наметившийся процесс консолидации Запада окажется устойчивым и продолжится в ближайшие годы, то он неизбежно получит ряд существенных последствий для всей системы международных отношений. Вероятно, придется корректировать прогнозы развития мировой политики, делавшиеся на протяжении последних нескольких лет. В частности, большинство российских экспертов-международников, насколько можно судить, на протяжении длительного времени исходили из необратимости центробежных тенденций на Западе; эти тенденции связывались с меняющимся балансом сил в мире, с уходом в прошлое «однополярного момента», с особенностями внутривнутриполитической борьбы в ведущих западных странах и с другими факторами. Как выяснилось, все эти факторы не обязательно препятствуют новой консолидации, а некоторые из них ей даже содействуют.

Новое объединение значительной группы европейских и восточноазиатских стран вокруг Соединенных Штатов надолго отодвигает перспективу формирования «зрелой» или полноценной многополярности (полицентризма) в международной системе. В то время как многополярность предполагает относительную равноудаленность отдельных трех или большего числа мировых центров силы друг от друга, а также сопоставимость их военных, экономических, технологических и др. потенциалов. Результатом процесса консолидации Запада должно стать создание устойчивого «суперцентра» силы, заведомо превосходящего всех других игроков мировой политики по совокупности параметров влияния на международную систему. Если процесс консолидации окажется успешным, то в мире просто не найдется двух или большего числа сопоставимых с коллективным Западом центров силы; даже Китай по целому ряду параметров будет еще долго существенно уступать этой консолидированной группировке.

Многополярность также предполагает подвижность геополитических альянсов и коалиций — в случае чрезмерного усиления одного из полюсов силы остальные группируются таким образом, чтобы не допустить доминирования отдельного гегемона. Разумеется, наметившаяся консолидация не предполагает подобной гибкости и подвижности внутри коллективного Запада — трудно представить себе в обозримой перспективе сценарий, при котором Европейский союз объединяется с Россией в противодействие США или Вашингтон блокируется с Пекином для ограничения активности Евросоюза. Таким образом, в рамках формирующегося мирового порядка едва ли будут успешно работать механизмы коррекции баланса сил, присущие традиционной многополярной системе.

Хотя ссылки на многополярность (и сопутствующую ей многосторонность) по-прежнему будут оставаться важной частью западной политической риторики, фактически усилия администрации Джо Байдена и его союзников в Европе и в Восточной Азии направлены на воссоздание в том или ином виде модели международной системы, основанной на асимметричном взаимодействии мирового ядра (Запад) с мировой периферией (не-Запад) с посте-

пленным расширением ядра за счет периферии. То есть на Западе ставят перед собой цель вернуться, насколько это вообще возможно, к ситуации, существовавшей в международной системе на рубеже XX и XXI столетий. Не случайно в США и в Европе сегодня много говорят о «возрождении духа 1989 г.», о «переходе в решительное геополитическое наступление», о восстановлении центральной роли Запада в формировании нового мирового порядка и пр. Хотя в риторике западных лидеров присутствуют революционные мотивы, речь идет все-таки не о революции в международных отношениях, а о реставрации международной системы в том виде, в котором эта система сложилась к концу прошлого века.

Происходящая консолидация Запада совсем не обязательно должна привести к возрождению классической биполярности по оси «Запад — не-Запад», так как многие ведущие страны глобального Юга (Индия, Бразилия, Нигерия, Саудовская Аравия и пр.) пока совсем не готовы позиционировать себя в составе противостоящего Западу «не-Запада». Потенциальное сплочение «не-Запада» вокруг Китая или вокруг России — дело явно не самой ближайшей перспективы, да и к тому же у консолидированного Запада сохраняется множество разнообразных возможностей эффективно противодействовать этому процессу. Коллективный Запад по-прежнему располагает уникальными возможностями в сфере международных финансов, новейших технологий, практик корпоративного управления, различных элементов «мягкой силы». Эти возможности будут выборочно использоваться для привлечения на свою сторону отдельных стран глобального Юга на условиях, диктуемых Западом.

Стратегия консолидации предполагает, что крупные страны «не-Запада» (Индия, Бразилия, Аргентина, Мексика, Индонезия, Нигерия, Южная Африка и пр.) будут вынуждены так или иначе конкурировать друг с другом за максимально благоприятные условия для своего последующего вхождения в мировое ядро. В этой логике объединения стран, не входящих в мировое ядро (ШОС, БРИКС, ЕАЭС и пр.), основаны преимущественно на совпадении тактических, конъюнктурных интересов стран-участниц, а потому не имеют стратегической перспективы. Во всяком случае такие объединения не смогут выступить эффективными центрами устойчивой консолидации не-западного мира. А это означает, что глобальная периферия, намного превосходя коллективный Запад по населению, ресурсной базе и даже по экономическому потенциалу, все равно не сможет составить серьезную конкуренцию западному миру. Таким видится алгоритм сохранения лидерства Запада в условиях неуклонного изменения соотношения сил в мире в пользу «не-Запада».

По всей видимости, на протяжении нескольких лет России и другим участникам мировой политики придется строить свою внешнюю политику в международной среде, которую можно условно обозначить как «асимметричную биполярность». В этой среде объединенному Западу будет противостоять в разных формах и с разной степенью последовательности лишь часть не-западного мира. При том что остальная часть не-западного мира попыта-

ется в максимальной мере остаться в стороне от этого назревающего противостояния, а если возможно, то еще и использовать это противостояние в своих интересах. «Асимметричная биполярность» предполагает формирование многочисленных тактических коалиций вокруг конкретных проблем, когда отдельные участники коалиций не будут брать на себя долгосрочных обязательств или расширять сферы сотрудничества друг с другом.

Примером такого подхода может считаться современная Турция, которая не готова бросить стратегический вызов коллективному Западу, но способна отстаивать свою независимость от Запада в конкретных региональных (Сирия, Ливия, Южный Кавказ) или функциональных (военно-техническое и энергетическое сотрудничество с Россией) измерениях. Другим примером «асимметричной биполярности» выступает Индия, которая в целом склонна принимать «биполярное» восприятие международной системы применительно к Китаю, но отвергает такое восприятие относительно России. Пока многие ведущие страны не-западного мира придерживаются таких позиций, задача возрождения классической биполярности, основанной на противостоянии коллективного Запада и «не-Запада», представляется нерешаемой.

По оптимистическим прогнозам стратегов новой консолидации Запада, в обозримом будущем существующая экономическая, технологическая, политическая и культурная зависимость мировой периферии от мирового ядра не только сохранится, но и еще более возрастет по мере возобновления процессов глобализации, которые были лишь временно приостановлены многочисленными кризисами последних лет. Технологический отрыв Запада позволит западным странам определять параметры развития ключевых для развивающихся стран секторов экономики, например, сельского хозяйства. Преимущество Запада в «мягкой силе» будет оказываться тем значительнее, чем более стабильной окажется общая международная система.

Если удастся не допустить перерастания неизбежных региональных кризисов на территории периферии до уровня глобальных конфликтов, то система мировой политики будет считаться относительно устойчивой — по крайней мере, в среднесрочной перспективе ближайшего десятилетия. Это означает, помимо всего прочего, что коллективный Запад может позволить себе длительное продолжение российско-украинского конфликта, если только удастся надежно предотвратить возможности его горизонтальной или вертикальной эскалации.

«Асимметричная биполярность» при сохранении элементов «однополярного мира» не обязательно означает, что Запад в принципе откажется от любых уступок «не-Западу» в сфере экономики, финансов, решения общемировых проблем и демократизации международной системы в целом. Но эти уступки станут не столько результатом усиливающегося «не-Запада», сколько осознанным решением коллективного Запада, призванным избежать нежелательной дестабилизации положения на своей периферии и не допустить «импорта» нестабильности на свою территорию. Поэтому

уступки будут строго дозированными и обусловленными встречными обязательствами со стороны глобального «не-Запада» (например, увеличение объемов экономической помощи развивающимся странам в обмен на их сотрудничество в ограничении миграционных потоков с Юга на Север или обязательства в вопросах, касающихся прав человека).

Отношения между коллективным Западом и остальным миром в этой системе координат будут оставаться сложными и подчас конфликтными, но в целом именно Запад останется ведущей силой в этой связке. Мировая периферия, включая и дружественно настроенных по отношению к Западу игроков, и его оппонентов, в этой конструкции не обладает полноценной международной субъектностью, а потому нуждается в элементах внешнего управления со стороны «более зрелых» государств и обществ. Оттеснение на обочину мировой политики и экономики России, а затем и Китая позволит восстановить безальтернативность западных моделей модернизации, еще более прочно привязав глобальную периферию к глобальному ядру. В этом же направлении должно действовать и повышение нестабильности мировой экономики, которое будет наносить большой ущерб хрупким и относительно примитивным экономикам периферии, чем зрелым и диверсифицированным экономикам глобального ядра.

Такая картина предпочтительного для Запада мира нуждается в соответствующем институциональном оформлении. Можно предположить, что тенденция расширения существующих военно-политических блоков, проявившаяся во вступлении в НАТО Финляндии и Швеции, будет продолжена, и что новые страны станут членами, например, *AUKUS*. Однако более вероятным представляется постепенное расширение мандата и углубление содержательного наполнения деятельности менее формализованных многосторонних объединений — таких как *QUAD*. Примером формата возможных новых многосторонних договоренностей может оказаться объявленная Джо Байденом в конце мая 2022 г. «Экономическая инициатива в Индо-Тихоокеанском регионе» (*IPEF, Indo-Pacific Economic Framework*), призванная определить будущие стандарты ведения бизнеса в регионе и максимально снизить зависимость азиатских партнеров США от Китая. Успех или неудача этой и подобных ей инициатив будут определяться готовностью США предложить сравнимые с китайскими условия экономического, научно-технического, финансового и иного сотрудничества потенциальным участникам; особое значение будут иметь перспективы получения открытого доступа на внутренние рынки США.

Высказываются мнения и о том, что с течением времени Запад может попытаться провести неформальное перераспределение функционала между отдельными многосторонними институтами глобального уровня — например, подменить в качестве главной площадки для обсуждения проблем мировой экономики и финансов слишком гетерогенную и не вполне управляемую «Группу двадцати» более однородной и дисциплинированной «Группой семи». Функции «двадцатки» будут сведены главным образом к утверждению решений, готовящихся в более узком формате «семерки». Сама

«Группа семи» будет по мере необходимости кооптировать в свой состав новых членов или, более вероятно, приглашать отдельные страны «не-Запада» для обсуждения тех или иных проблем. Естественно, такая стратегия имела бы шансы на успех только в том случае, если бы коллективному Западу удалось представить «семерку» не в виде закрытого клуба западных демократий, а в качестве глобальной лаборатории, в которой будут отработываться универсальные правила игры, отвечающие общим интересам всех участников международных отношений.

Формирование системы «асимметричной биполярности» с элементами «однополярного мира» предполагает проведение реформ универсальных международных организаций, в том числе и Организации Объединенных Наций. В этом плане обращает на себя внимание недавнее предложение Лихтенштейна о том, что любое использование права вето в Совете Безопасности должно сопровождаться экстренным заседанием Генеральной Ассамблеи ООН для принятия решения по вопросу, в отношении которого было использовано право вето. По сути дела это предложение направлено на размывание нынешних полномочий Совбеза и на легитимацию тех решений США и их союзников, которые могут быть приняты в обход существующих в ООН процедур.

Естественно, что главной проблемой выстраивания этой конструкции останется интеграция в нее Китая. Степень готовности Запада идти на экономические и политические компромиссы с Пекином остается пока неясной, по всей видимости, она будет определяться складывающимся соотношением сил в тех или иных областях. Нельзя недооценивать и значение личностных факторов, а также превратного или искаженного представления сторонами намерений и планов друг друга. Однако в основном цели стратегии коллективного Запада в условиях консолидации укладываются в триединую формулу: ослабление России, изоляция Китая, предотвращение наступления «азиатского века», причем именно в такой последовательности. Достижение первой цели существенно облегчает движения в направлении второй, а реализация второй цели практически гарантирует достижение третьей.

Надо заметить, что на Западе по-прежнему делается множество прогнозов относительно неизбежного замедления китайской экономики, нарастания социальной напряженности и политических рисков внутри КНР (несмотря на то, что подобные предсказания, делавшиеся на протяжении последних двадцати лет, оказались полностью несостоятельными). Такие прогнозы подводят к выводу о том, что достижение устойчивого (стратегического) компромисса с Пекином на условиях равенства сторон и взаимных уступок в настоящее время не соответствует интересам коллективного Запада, поскольку смена динамики в балансе сил с Китаем рано или поздно даст Западу дополнительные ощутимые преимущества в соревновании с КНР. Таким образом, «игра на время» в противостоянии с Пекином может оказаться более продуктивной тактикой, чем попытки достижения какого-то комплексного компромисса в самом ближайшем будущем.

Неуверенность в способности Китая сохранять устойчивые высокие темпы экономического роста высказывается и некоторыми китайскими экспертами. Наблюдаемая в настоящее время структурная перестройка китайской экономики, глубокие социальные и демографические сдвиги, происходящие в Китае, участие КНР в процессах глобализации — все это, как утверждается, рано или поздно должно привести к той или иной форме либерализации китайской политической системы. В итоге Китай окажется вынужденным играть по «западным» правилам и подчиняться общей логике «однополярного мира». Отказ от либерализации, как утверждается, неизбежно привел бы к затуханию экономического роста КНР, обострению социально-экономических проблем и неизбежному поражению Пекина в экономическом и технологическом соревновании с Западом.

Если в отношении Китая предполагается ведение долгосрочной игры в надежде на грядущие внутренние изменения в КНР, то главной тактической задачей становится сохранение западного единства и в первую очередь препятствование любым «сепаратным сделкам», на которые могли бы пойти европейские союзники США в их взаимодействии с Пекином. Соответственно, Вашингтон должен в максимальной степени использовать существующие двусторонние и многосторонние механизмы, чтобы зафиксировать нынешнее ужесточение европейских подходов к Китаю и предотвратить любую возможную «разрядку» в отношениях между Брюсселем и Пекином.

В этой картине «асимметричной биполярности» Россия оказывается отброшенной к тем исходным позициям, которые она занимала тридцать лет назад, сразу после распада Советского Союза. Но ее положение окажется еще более сложным, поскольку Москва в обозримом будущем не получит того «кредита доверия» со стороны Запада, который у нее имелся в последнем десятилетии прошлого века. Соответственно, давление на Россию будет сильнее, чем три десятилетия назад, а возможные политические и экономические бонусы за «хорошее поведение» российской стороны — если таковое последует — окажутся более скромными и отложенными во времени. В отличие от Пекина, Москва не сможет претендовать на позиционирование себя в статусе противостоящего Западу глобального центра силы, даже в эмбриональном виде. Тем не менее рано или поздно Россия также будет интегрирована в коллективный Запад и использована последним как существенный дополнительный ресурс в долгосрочном противоборстве с Китаем.

Пока же этого не произошло, максимальная геополитическая, военно-стратегическая, экономическая и иная изоляция Москвы в складывающемся мировом порядке останется одним из главных приоритетов Запада. Это будет предполагать последовательное вытеснение России из глобальных и региональных многосторонних организаций, сворачивание экономических и научно-технических связей с Москвой, сохранение давления на страны, стремящиеся сохранить сотрудничество с Россией в тех или иных сферах. Главной задачей информационной войны Запада против Москвы станет изменение отношения к России со стороны тех государств глобального «не-

Запада» — от Индии и Индонезии до Египта и Алжира — где это отношение по-прежнему остается в целом позитивным.

При этом возможно сохранение минимума контактов — прежде всего в сфере контроля над стратегическими вооружениями и снижения рисков прямого военного столкновения. В остальном же главные надежды будут возлагаться на неизбежность смены политического руководства и, более того, политической системы в России под растущим внешним давлением и в контексте обострения внутренних проблем. Минимизация международно-политической роли Москвы должна стать дополнительным инструментом давления на Пекин, которому придется фактически в одиночку противостоять усилившемуся коллективному Западу.

Американские эксперты выражают уверенность в том, что нынешние установки администрации Джо Байдена в отношении конфликта не изменятся, указав на пять основных факторов, предопределяющих устойчивость американской политики. Во-первых, оказание Украине военной и экономической помощи в размере уже выделенных более 40 млрд долл. будет растянуто на несколько лет и не потребует каких-то дополнительных трудных решений от Конгресса США и от Белого дома. В случае если Украина будет терпеть поражение, поставки вооружений могут быть увеличены без принесения в жертву других приоритетов Пентагона. При этом задачи США состоят не только в недопущении военной победы Российской Федерации, но и в необратимом переводе украинской армии с советских на западные технические стандарты с соответствующей переподготовкой личного состава ВСУ.

Во-вторых, основная часть уже утвержденных американских санкций сохранится в течение длительного времени, и любые (в данный момент — очень маловероятные) попытки смягчить санкции со стороны администрации Джо Байдена натолкнутся на упорное сопротивление законодательной власти. Это в первую очередь относится к экономическим санкциям, затрагивающим российскую энергетику, финансовый сектор и новейшие технологии. Между Белым домом и Конгрессом будет продолжаться конкуренция за управление санкционной политикой, и эта конкуренция минимизирует шансы какого-либо смягчения санкций. Более вероятным представляется вариант дальнейшего усиления санкционного давления на Москву в случае достижения Россией заметных успехов в проведении специальной военной операции.

В-третьих, решения об исключении России или о замораживании ее участия в целом ряде международных организаций (таких как Совет Европы, Арктический совет, Совет стран Балтийского моря) при любых обстоятельствах не будут пересмотрены в обозримом будущем. Курс на максимальную изоляцию России в международной системе не предполагает существенных материальных потерь или неприемлемых политических рисков со стороны США, а потому будет продолжен. Возможные негативные последствия таких решений для управляемости международной системы отложены во времени, а потому могут игнорироваться.

В-четвертых, несмотря на существующие оттенки в позициях, Соединенные Штаты имеют полную поддержку со стороны своих европейских и азиатских союзников — как в отношении экономических санкций, так и в отношении военно-политического давления на Москву. Это единство было продемонстрировано в ходе подготовки саммитов «Группы семи» и НАТО в Мадриде летом 2022 г. Нет никаких признаков того, что данное единство окажется подорванным в обозримой перспективе. Коллективное противостояние России уже превратилось в один из главных символов вновь обретенного западного единства, которое будет тщательно поддерживаться.

В-пятых, в США существует устойчивый двухпартийный консенсус по «украинскому вопросу», который базируется на широком общественном консенсусе. Лидеры республиканской партии, за очень редким исключением, критикуют администрацию демократов за недостаточную жесткость в отношении России. Поэтому возможное поражение демократической партии на промежуточных выборах в ноябре с. г. не приведет к сдвигам в американской позиции. А без изменения позиции США трудно рассчитывать на сколько-нибудь значительные подвижки в позициях американских союзников и партнеров.

Такова изложенная в самых общих чертах картина «желательного мира», основанная на идее исторического реванша Запада за геополитические отступления и поражения последних двух десятилетий. Естественно, на уровне политической риторики эта картина выглядит несколько по-другому: ее фундаментальными элементами представляются соблюдение универсальных норм международного права, уважение к базовым правам человека, обеспечение эффективного глобального управления, демократизм и репрезентативность многосторонних международных организаций, совместная работа над общими для всего человечества проблемами безопасности и развития. Тем не менее в основе этой картины лежит не слишком оригинальная идея восстановления безусловного международного лидерства Запада в целом и Соединенных Штатов в частности. Причем западное лидерство предполагается восстанавливать в условиях, когда Запад еще не определился в основных вопросах собственного развития.

Препятствия

Насколько реален сценарий не только сохранения, но и дальнейшего укрепления единства Запада как основы будущей международной системы? Как представляется, идущий сегодня процесс консолидации Запада имеет значительный потенциал, но также и свои вполне конкретные пределы, не позволяющие прогнозировать его сохранение на протяжении исторически длительного времени. Если первый послевоенный «консолидационный» цикл на Западе длился не менее четверти века (1945–1970 гг.), а второй был лишь немногим короче (1980–2002 гг.), то третий цикл может оказаться значительно менее продолжительным. По всей видимости, он будет измеряться годами, а не десятилетиями.

Большинство объективных противоречий между интересами отдельных стран Запада хотя и отошли на задний план с приходом к власти в Вашингтоне администрации Джо Байдена, но так и не были разрешены. Есть основания полагать, что они рано или поздно вновь выйдут на поверхность, спровоцировав начало нового «дезинтеграционного» цикла на Западе. Не будем забывать и о том, что предыдущий «консолидационный» цикл конца прошлого — начала нынешнего столетия имел под собой более прочные основания, чем нынешний цикл. Тогда фундаментом западного единства выступал либеральный триумфализм, убежденность западных элит в своей исторической правоте и в универсальной востребованности западных ценностей. Нынешний «консолидационный» цикл основан на страхе перед растущей мощью Китая и перед военной активностью России. Прежней уверенности в неизбежном триумфе либеральных ценностей даже внутри собственных стран у большинства лидеров Запада сегодня не имеется. Поэтому есть основания полагать, что вновь обретенное единство западного мира будет носить преходящий характер.

К такому развитию событий подталкивают несколько факторов. Во-первых, экономические — интересы Соединенных Штатов, Европейского союза и развитых стран Восточной Азии сходятся далеко не во всем. Например, проблема сельскохозяйственного экспорта США в Европу едва ли найдет какое-то окончательное решение, равно как и проблема экспорта европейских автомобилей и запчастей к ним в Соединенные Штаты. Доллар и евро будут и дальше конкурировать друг с другом на мировых финансовых рынках, и эта конкуренция, скорее всего, будет обостряться в условиях укрепления международных позиций других валют. Вообще, способность Соединенных Штатов бесконечно долго опираться на внешние заимствования и постоянно увеличивать национальный долг вызывает большие сомнения.

Вызывает сомнения и принципиальная возможность какой-то синхронизации политических циклов в отдельных странах коллективного Запада. Если на севере Европы в настоящее время продолжается наступление левых сил, то в Соединенных Штатах на предстоящих в ноябре промежуточных выборах, скорее всего, победа будет на стороне правых. Одним из наглядных индикаторов предстоящей «расстыковки» политических трендов в Соединенных Штатах и в Европе стало состоявшееся в конце июня 2022 г. реше-

ние Верховного суда США об отмене конституционного права женщин на аборт и крайне нервная реакция на это решение со стороны ведущих европейских государственных деятелей. Соединенные Штаты остаются в целом консервативнее Европы, и этот разрыв между двумя берегами Атлантики не сужается, а, скорее, расширяется (как, впрочем, разрыв в ценностях внутри отдельных западных обществ).

Можно констатировать, что различия между «англосаксонской» и «континентальной европейской» моделями социально-экономического развития с течением времени не стираются, а становятся все более существенными; попытки некоторых стран континентальной Европы использовать у себя дома заимствованные в США или в Великобритании социально-экономические рецепты, как правило, заканчиваются неудачей. Меняющаяся этническая и демографическая картина в отдельных государствах коллективного Запада также создает сложности в сохранении единых внешнеполитических приоритетов.

Политические противоречия внутри коллективного Запада за последние полтора — два года тоже никуда не делись. Одно дело — ситуативное объединение на фоне острого кризиса безопасности против привычного оппонента в лице экономически относительно малозначимой Москвы и совсем другое — готовность вести многолетнюю изнуряющую борьбу с экономической сверхдержавой в лице Китая. Нет полного единства внутри Запада и по вопросам оптимальной стратегии в отношении Индии, не говоря уже о позициях по конкретным вопросам урегулирования кризисных ситуаций на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Трудно предположить, что США и Евросоюз смогут добиться единства взглядов на проблемы расширения экономической помощи глобальному Югу со стороны глобального Севера.

Вызывает сомнения обоснованность расчетов на способность Запада добиться международно-политической и экономической изоляции России. Реакция в мире на военную спецоперацию Москвы была неоднозначной, устойчивость сохранения антироссийского общественно-политического консенсуса далеко не очевидна. По мере ухода украинской темы с первых страниц изданий и с экранов сохранять западное единство будет все сложнее, и среди стран Запада будут все чаще обнаруживаться скрытые или даже явные диссиденты. После завершения военной фазы российско-украинского противостояния, даже если за этой фазой и не последует всеобъемлющего политического урегулирования, разногласия по вопросу о том, как дальше выстраивать отношения с Москвой, скорее всего, будут углубляться.

Поскольку бремя антироссийских санкций распределено между США и Европой не равномерно, то легко прогнозировать постепенное нарастание разногласий между двумя берегами Атлантики по этому вопросу. Эти разногласия станут особенно значимыми, в случае если российско-украинский конфликт спровоцирует обострение хронических проблем в мировой экономике и финансах и потребует значительных дополнительных жертв со стороны США и их союзников для того, чтобы не допустить военной победы Кремля.

Вероятны дальнейшие расхождения между США и их союзниками по вопросам оптимальной военной стратегии коллективного Запада. Если некоторые влиятельные американские политики рассматривают перспективу ядерного конфликта между Россией и НАТО как возможную, то в Европе склонны проявлять больше осторожности в этом вопросе, понимая, что именно европейский континент имеет самые высокие шансы оказаться театром, на котором может быть применено тактическое ядерное оружие.

Еще более сложной представляется задача экономического и технологического «сдерживания» Китая объединенными силами коллективного Запада. Попытки изолировать Китай, разорвав с ним экономические и научно-технические связи, неизбежно приведут к растущим издержкам для самого Запада. В Пекине внимательно наблюдают за решениями западных стран, касающимися санкций в отношении России, и уже сегодня начинают принимать превентивные меры для минимизации последствий возможного применения аналогичных санкций в отношении Китая. Ожесточенная торговая война между Западом и Китаем нанесет серьезный ущерб в первую очередь западным потребителям с соответствующими издержками для находящихся у власти политических партий.

Нынешний кризис хотя и выявил отдельные расхождения Москвы и Пекина по конкретным вопросам мировой политики, тем не менее в итоге оказался дополнительным катализатором российско-китайского сотрудничества в самых различных областях и дал Китаю дополнительные возможности в противодействии Соединенным Штатам и коллективному Западу в целом. Большинство экспертов предсказывают, что по мере того, как российско-украинский конфликт будет отходить на второй план мировой политики, уступая место другим кризисам и проблемам, поддержка Москвы со стороны Пекина будет возрастать. Китай явно не заинтересован в чрезмерном ослаблении России, поскольку благоприятное для коллективного Запада решение «российского вопроса» неизбежно вернет в центр западной повестки дня нерешенный «китайский вопрос».

И совсем уж нереалистичным выглядит намерение США изолировать Китай в АТР и в зоне Индийского океана, где КНР остается ведущим торговым и инвестиционным партнером для большинства местных экономик. В данный момент Соединенные Штаты не готовы полностью открыть свои рынки для азиатских государств, а также не готовы реально конкурировать с Китаем в реализации крупных инфраструктурных проектов в Азии. Конечно, Соединенные Штаты имеют в распоряжении немало тарифных, технологических, валютно-финансовых и иных бонусов, которые они могли бы предложить своим партнерам в индо-тихоокеанском регионе, но предоставление этих бонусов неизбежно сдерживается слабостью администрации Джо Байдена и противодействием протекционистов Республиканской партии. К тому же у большинства азиатских стран нет уверенности в том, что американские подходы к международному экономическому сотрудничеству в Индо-Пацифике не поменяются после президентских выборов 2024 г. Поэтому Соединенные Штаты и даже коллективный Запад в целом не в состоянии предложить странам Азии привлекательную альтернативу китайскому проекту «Одни пояс, один путь».

Что же касается консолидирующего эффекта российско-украинского конфликта, то с течением времени он, по всей видимости, будет снижаться. Как бы цинично это ни звучало, но общество так или иначе привыкает к хроническим военным конфликтам, особенно если они не затрагивают жизненно важные национальные интересы. События на территории Украины будут все больше восприниматься как региональная европейская проблема, а не как глобальный вызов коллективному Западу. В Соединенных Штатах уже фиксируется снижение общественного интереса к Украине и параллельное снижение уровня общественной поддержки политики администрации Джо Байдена на российском направлении. Нельзя исключить и усиления разногласий между Соединенными Штатами и Европейским союзом по вопросам, касающимся судьбы украинских беженцев — федеральные власти США не готовы выделять значительные средства на поддержку беженцев, оставляя вопросы их обустройства на усмотрение частных благотворительных организаций и общественных активистов.

Но самое главное состоит в том, что в странах «коллективного Запада» и прежде всего в Соединенных Штатах продолжается нарастание фундаментальных экономических, социальных и политических проблем. Западные общества остаются расколотыми по многим экономическим, политическим, социальным и другим параметрам, и перспективы восстановления внутреннего единства остаются туманными. Опросы общественного мнения в Соединенных Штатах показывают, что число американцев, продолжающих гордиться своей страной, неуклонно сокращается — с 69 % в июне 2011 г. до 39 % в июне 2022 г. Сегодня только 14 % опрошенных полагают, что страна идет в правильном направлении, в то время как 85 % убеждены в обратном. А это, в свою очередь, подрывает возможности проведения долгосрочного и последовательного внешнеполитического курса, необходимого в том числе и для сохранения западного единства. В этом смысле ситуация сегодня существенно отличается от положения дел в мире в конце прошлого — начале нынешнего века, когда в западных обществах присутствовал широкий консенсус относительно траекторий дальнейшего социально-экономического и политического развития.

Все эти продолжающие действовать факторы подводят к выводу о том, что очередная смена центристских тенденций в западном мире на центробежные — всего лишь вопрос времени, причем это время измеряется, скорее, годами, чем десятилетиями. Такая смена может быть спровоцирована победой похожего на Дональда Трампа политика на президентских выборах в США осенью 2024 г. или приходом к власти в одной из крупных европейских стран правого популиста типа Марин Ле Пен. Поводом для очередной стратегической расстыковки может стать американско-китайский конфликт вокруг Тайваня или обострение израильско-палестинской проблемы. Возможны новые расхождения в западном лагере по вопросам глобальных проблем, будущего системы ООН, программам помощи развивающимся государствам и пр. В любом случае смена тенденций, скорее всего, проявит себя уже во второй половине текущего десятилетия, что создаст дополнительные возможности для внешней политики стран не-Запада, в том числе и для России.

Послесловие

При всех неясностях в возможном развитии отношений внутри коллективного Запада представляется очевидным, что смена центростремительных тенденций на центробежные не произойдет в самом ближайшем будущем. Пока процесс воссоединения Запада только набирает скорость, распространяясь на новые направления внешней политики и новые измерения международной жизни. А это значит, что Москве, Пекину и другим центрам не-западного мира надо готовиться к длительному взаимодействию (включая элементы противостояния) с консолидированным Западом, располагающим достаточными возможностями и политической волей для пресечения или, по крайней мере, минимизации любых нарушений дисциплины в своих рядах. Эта новая реальность порождает серьезные вызовы для всех стран, не готовых безоговорочно принять западные правила игры и воспринимать международные отношения через призму асимметричного взаимодействия глобального ядра и глобальной периферии.

Соответственно, если Россия не допускает для себя возможности вернуться к положению начала 90-х гг. прошлого века, то одна из фундаментальных задач ее внешней политики должна состоять в том, чтобы с минимальными издержками противостоять намного более сильному противнику в течение, как минимум, нескольких лет, до начала неизбежной новой центробежной фазы в развитии коллективного Запада. Эти ближайшие несколько лет, по всей видимости, окажутся самыми трудными для России за всю ее постсоветскую историю, поскольку на эти годы придется пик политического, экономического и военного давления на Москву со стороны максимально консолидированного и максимально мотивированного Запада. Перспективы достижения стратегического компромисса в этом временном диапазоне выглядят маловероятными, хотя тактические договоренности, разумеется, возможны. Общая геополитическая ситуация будет отличаться повышенной волатильностью, что также создает дополнительные риски и порождает дополнительные требования к качеству внешней политики.

Успехи или неудачи российской внешнеполитической стратегии будут в решающей степени определяться способностью или неспособностью Москвы осуществить эффективную мобилизацию внутренних ресурсов, найти продуктивную модель социально-экономического развития в условиях разрыва складывавшихся десятилетиями торговых, инвестиционных, технологических, научных и иных связей с западными партнерами. Во внешней политике главная задача состоит в том, чтобы закрепить свои политические, экономические, военно-стратегические, гуманитарные и иные позиции в не-западном мире, не отказываясь от возможности возобновления диалога с коллективным Западом. Предпосылки для расширения российского присутствия в странах глобального Юга имеются, но для того чтобы добиться на этом направлении значимых результатов, России придется основательно поработать над своим внешнеполитическим инструмен-

тарием, который на данный момент не вполне соответствует ожиданиям и приоритетам потенциальных партнеров.

Необходимо также учитывать, что для многих государств глобального Юга заявка Москвы на одну из лидирующих ролей в «не-западном мире» пока выглядит не слишком убедительной. Очень часто в странах глобального Юга Россия воспринимается как часть «большого Запада», пусть и достаточно специфическая. Нынешний конфликт на территории Украины и вокруг нее интерпретируется как конфликт внутри этого «большого Запада» (внутри «белой / европейской цивилизации»), причем за этот конфликт приходится расплачиваться в том числе и непричастному к конфликту глобальному Югу. Кроме того, во многих странах «не-Запада» сохраняется представление о том, что отношения с ними остаются для Москвы всего лишь разменной монетой для ее более приоритетных отношений с Западом.

Поэтому в отношениях с партнерами на Востоке и на Юге России следует по возможности избегать использования амбициозных, но малосодержательных идеологических схем и черно-белых политических клише, вызывающих у партнеров реакцию отторжения. Представляются неоправданными, в частности, попытки позиционировать такие многосторонние структуры как ШОС или БРИКС в виде «антизападных» проектов, а концепцию «индо-тихоокеанского региона» — в виде сугубо американской конструкции, направленной не только против Китая, но и против России тоже. Развитие сотрудничества должно идти преимущественно в формате конкретных, сугубо прикладных проектов, а не сводиться к помпезным, но малосодержательным саммитам и форумам, которые далеко не всегда сопровождаются шлейфом практических дел.

Временная консолидация Запада также предполагает, что любые, даже самые ограниченные договоренности на «западном фронте» Москве придется так или иначе согласовывать с Вашингтоном, лишь очень осторожно зондируя готовность европейских союзников США демонстрировать минимальную самостоятельность на российском направлении, как это было во времена «однополярного момента» четверть века назад. Попытки играть на противоречиях между Соединенными Штатами и Европейским союзом в ближайшее время, скорее всего, окажутся контрпродуктивными. К сожалению, в отличие от ситуации 2014 г., сегодня у Москвы уже не осталось серьезных политических партнеров в Европе, способных выступить проводниками российского влияния и трансляторами российских интересов.

В то же время контрпродуктивными и даже опасными представляются и попытки полностью отгородиться от Запада или готовность воспринимать вынужденное взаимодействие России с Западом как неизбежную «игру с нулевой суммой». Растущее давление общих проблем — начиная от нераспространения ядерного оружия и кончая изменениями климата — так или иначе будет подталкивать стороны к сотрудничеству, которое может оказаться взаимовыгодным. По всей видимости, такое сотрудничество в ближайшей перспективе будет носить ситуативный характер и не изменит

общего негативного фона этих отношений, но в дальнейшем можно рассчитывать на постепенное расширение спектра областей, в которых возможно восстановление партнерского взаимодействия.

Задача взаимодействия с Вашингтоном осложняется сохраняющейся слабостью администрации Джо Байдена, которая, вероятно, станет еще более явной в случае неблагоприятного для демократов исхода промежуточных выборов в конгресс в ноябре 2022 г. Нынешний политический раскол американского общества, преодоление которого в ближайшем будущем представляется маловероятным, не только создает ограничения для консолидации Запада вокруг Соединенных Штатов, но и превращает США в непоследовательного и не всегда предсказуемого игрока на международной арене. Тем не менее во многих важнейших измерениях мировой политики и экономики Соединенные Штаты остаются незаменимым игроком, а потому восстановление ограниченного диалога с Вашингтоном не просто желательно, но жизненно важно для Москвы.

С этой точки зрения для России очень важно избежать соблазна строить свою политику на основе принципа «кто не с нами, тот против нас». Учитывая складывающуюся в мире расстановку сил, попытки формирования широких стратегических антизападных альянсов и союзов могут оказаться не слишком эффективными и даже контрпродуктивными. Более перспективным представляется акцент на формирование ситуативных коалиций вокруг конкретных задач, решение которых представляет интерес для максимально широкого круга потенциальных участников. Только по прошествии длительного времени из некоторых ситуативных коалиций могут вырасти устойчивые союзы. Иными словами, стратегическое терпение должно стать одной из неотъемлемых особенностей российской внешней политики.

Все вышесказанное, разумеется, ни в коей мере не отменяет необходимости системной и последовательной работы по формированию нового, инклюзивного и демократического мирового порядка. В конце концов, даже понятие «Запада», при всей его устойчивости — исторически преходящее. В формирующемся глобальном сообществе разграничительные линии между Западом и Востоком, Севером и Югом уже не будут играть той решающей роли в мировой политике, которую они играли раньше. Даже понятие «Запада» как таковое со временем вполне может оказаться отнесенным к разряду политической архаики. На смену нынешней разобщенности стран, народов и обществ рано или поздно придет осознание общей судьбы человечества.

Об авторе

Андрей Вадимович КОРТУНОВ — генеральный директор Российского совета по международным делам с 2011 года.

Закончил МГИМО МИД СССР, аспирантуру Института США и Канады АН СССР, кандидат исторических наук. Работал в Институте США и Канады, в том числе директором Отдела внешней политики США и заместителем директора Института. Преподавал международные отношения в европейских и американских университетах. Возглавлял ряд российских общественных организаций и фондов в сферах высшего образования, общественных наук и социального развития.

Входит в экспертные, наблюдательные и попечительские советы российских и международных общественных организаций, член редакционных советов нескольких академических журналов. Имеет многочисленные публикации в России и за рубежом.

Основные направления научной деятельности: международные отношения, внешняя и внутренняя политика России, российско-американские отношения.

Российский совет по международным делам

Российский совет по международным делам (РСМД) — некоммерческая организация, ориентированная на выработку практических рекомендаций российским организациям, министерствам и ведомствам, задействованным во внешнеполитической деятельности.

РСМД объединяет усилия экспертного сообщества, органов государственной власти, бизнес-кругов и гражданского общества с целью повышения эффективности внешней политики России.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную деятельность по формированию устойчивого сообщества молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии.

Совет выступает в качестве активного участника публичной дипломатии, представляя на международных площадках российское видение в решении ключевых проблем глобального развития.

Членами РСМД являются ведущие представители внешнеполитического сообщества России: дипломаты, бизнесмены, ученые, общественные деятели и журналисты.

Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел РФ в 1998–2004 гг. и секретаря Совета Безопасности РФ в 2004–2007 гг.

Генеральным директором Совета является Андрей Кортунов. В 1995–1997 гг. Андрей Кортунов занимал должность заместителя директора Института США и Канады РАН.

Российский совет по международным делам

КОНСОЛИДАЦИЯ ЗАПАДА И АСИММЕТРИЧНАЯ БИПОЛЯРНОСТЬ

Рабочая тетрадь № 69 / 2022

Верстка — О.В. Устинкова

Источник фото на обложке: Susan Walsh/Pool via REUTERS / Pixstream

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 150 экз.

Российский совет
по международным
делам

Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс.: +7 (495) 225 6284
welcome@russiancouncil.ru

119049, Москва,
4-й Добрынинский переулок, дом 8